

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)-8:87

Нина Николаевна Вихрова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, кандидат филологических наук, доцент кафедры начального, дошкольного образования и социального управления, Россия, Великий Новгород, e-mail: vihnn@mail.ru

Пушкин в историсофском споре Ивана Аксакова и Владимира Соловьёва

Аннотация. Предлагается сравнительный анализ подходов И.С. Аксакова и Вл. Соловьёва к осмыслению феномена пушкинского творчества в процессе становления национального самосознания. Постановка проблемы связана с необходимостью уточнения вопроса о генезисе концепции национального самоотречения Вл. Соловьёва, противопоставленной славянофильской идее национального самосознания, которую он ошибочно связывал с национальной «исключительностью», национализмом. Отправной точкой историсофского спора Аксакова и Соловьёва стали Пушкинские торжества 1880 г. и речь Достоевского, которую Аксаков воспринимал как «торжество» славянофильства, а Соловьёв как поражение славянофильской идеи в пользу приобщения к мировой христианской истории. При этом центральным аргументом исторической благотворности «национального самоотречения» для Соловьёва выступают две знаковые фигуры русской истории: Пушкин и Петр I. Отмечается, что отношение И.С. Аксакова и Вл. Соловьёва к Пушкину своеобразно эволюционировало и имело как точки непримиримого расхождения, так и точки пересечения. Доказывается, что поздний Соловьёв, разрабатывающий основы своей «нравственной философии», рассматривающий феномен пушкинского творчества с нравственно-эстетической позиции, наиболее приблизился к аксаковскому представлению о месте Пушкина в историко-культурном процессе национального самосознания.

Ключевые слова: славянофильство, национальное самосознание, национальное самоотречение, нравственная философия, феномен пушкинского творчества, русская идея

Nina Nikolaevna Vikhrova

Yaroslav the Wise Novgorod State University, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Primary, Preschool Education and Social Management, Russia, Veliky Novgorod, e-mail: vihnn@mail.ru

Pushkin in the historiosophical dispute between Ivan Aksakov and Vladimir Solovyov

Abstract. The article compares the approaches of I. Aksakov and Vl. Solovyov to comprehend the phenomenon of Pushkin's creativity in the process of the formation of national identity. The statement of the problem is connected with the need to clarify the question of the genesis of the concept of national self-denial by Vl. Solovyov, opposed to the Slavophile idea of national self-consciousness, which he mistakenly associated with national "exclusivity", nationalism. The starting point of the historiosophical dispute between Aksakov and Solovyov was the Pushkin celebrations of 1880 and Dostoevsky's speech,

which Aksakov perceived as a “triumph” of Slavophilism, and Solovyov as a defeat of the Slavophile idea in favor of joining world Christian history. At the same time, the central argument for the historical beneficence of “national self-denial” for Solovyov is two iconic figures of Russian history: Pushkin and Peter I. It is noted that the attitude of I. Aksakov and Vl. Solovyov to Pushkin evolved in a peculiar way and had both points of irreconcilable divergence and intersection. It is proved that the late Solovyov, developing the foundations of his “moral philosophy”, considering the phenomenon of Pushkin's creativity from a moral and aesthetic position, came closest to Aksakov's idea of Pushkin's place in the historical and cultural process of national self-consciousness.

Key words: slavophilism, national self-consciousness, national self-denial, moral philosophy, the phenomenon of Pushkin's creativity, Russian idea

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.3.088-106

Незадолго до смерти К.С. Аксаков, как бы подводя черту под деятельностью старших славянофилов по формированию философских основ национального самосознания, сформулировал предельно широкое определение славянофильства в письме Н.С. Соханской от 27 марта 1860 года: «Славянофильство – не общество, не компания, не кружок даже. Славянофильство – идея, кто ближе к ней – ближе; кто дальше – тот дальше» [1, с. 82]. Цель деятельности И.С. Аксакова в пореформенное время – развитие и утверждение этой идеи в российском обществе в период обострения идеологической борьбы между различными «партиями», при этом он не просто популяризировал учение старших славянофилов, но и развивал его применительно к изменившимся после отмены крепостного права условиям. Славянофильский «исторический критерий» для него оставался необходимым инструментом для характеристики широкого круга явлений современной общественной, политической, культурной и духовной жизни России. Вообще генезис российского славянофильства XIX века напрямую связан с попыткой создания философской базы для осмысления проблем российской государственности, определения места и назначения России в мировой истории, аксиологических основ народной ментальности и выявления духовных сил, которые участвовали в становлении национального самосознания. Общая историософская схема формирования национального самосознания сложилась у славянофилов в конце 1830-х гг. и отражена, например, в письме 1840 г. Ю.Ф. Самарина (с подписью и К.С. Аксакова) французскому депутату Фрасуа Могену, в котором выделяется «три периода» русской народности: «исключительной национальности, подражания и разумной народности»¹. При этом период подражательности начинался с деятельности Петра, а период «разумной народности» связан с появлением славянофильского направления, воз-

---

¹ См.: Самарин Ю.Ф. Письма К.С. Аксакову. 1839–1860 // Самарин Ю.Ф. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Русское самосознание / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: ООО Изд-во «Росток», 2016. С. 243 [2]. Это письмо было впервые опубликовано в том же томе «Русского Архива» (1880. Кн. 2. С. 254–269), что и Пушкинская речь И.С. Аксакова.

никшего под влиянием немецкой поэзии и философии, которая избавила русское образованное общество от легковесного «ига Франции» и дала строгие философские инструменты для характеристики национальной самобытности. Разумеется, впоследствии эта схема наполнялась, уточнялась и дополнялась, в частности, А.С. Хомяковым, но старшие славянофилы формирование народного самосознания связывали исключительно с разработкой и внедрением в общество славянофильской мысли. А художественная литература, возникшая после Петровского разворота к западной культуре, – это продукт подражательно-го периода, не имеющий народного характера, соответственно и самостоятельного значения в деле национального самосознания. К.С. Аксаков подчеркивал, что «литература с Петра может иметь для нас интерес, иметь значение только как *борьба личного таланта писателей с отвлеченностью и ложью сферы, с отвлеченностью и ложью положения и подлостью*. Ни один талант не ушел от этой лжи положения: всякий носит на себе следы ее, иногда только сквозь нее пробиваясь. И эта-то борьба и составляет интерес и смысл нашей литературы с Петра»². К.С. Аксаков подводил к мысли, что в недрах литературы от Ломоносова до Гоголя зрело чувство протеста против ложного развития российского просвещения, и этот протест сублимировался наконец в так называемое «русское», или «славянофильское», направление, которое этот смутный и неясный протест выявило и осмыслило, после чего ход литературного развития должен был измениться: на смену отрицательному отношению к жизни должно прийти положительное. Таким образом, К.С. Аксаков рассматривал «борьбу личного таланта писателей» с отвлеченностью российской действительности и возникновение славянофильства в одном ряду с движением за национальную самобытность.

У И.С. Аксакова несколько иной подход. Он считает, что в России в процессе формирования национального самосознания участвовали две мощные струи: просветительская, научная мысль и художественно-поэтическое откровение, которое могло опережать развитие научной мысли. С этой точки зрения художественное откровение в лице своих лучших представителей вполне «оправдало» русскую народность уже в пушкинский период, в то время как научно-философская мысль (славянофильского направления) оформилась только в послепушкинский период и лишь к концу XIX столетия смогла по достоинству оценить заслугу гениев русской литературы. Так, в 1880 году в своей «Пушкинской» речи И.С. Аксаков подчеркнет, что «мы еще только теперь начинаем дорастать нашим сознанием до смысла тех откровений, которые таются в глубинах его (Пушкина – *Н.В.*) поэзии»³. При этом утверждение народ-

² См.: Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика / сост., вступ. ст., коммент. В.А. Кошелева. М.: Искусство, 1995. С. 158–159 [3].

³ См.: Аксаков И.С. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», а также напечатанные отдельно // Полное собрание сочинений И.С. Аксакова. Т. 1–7. М.: тип. М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886–1887. Т. 7. С. 833 [4]. Ссылки на произведения И.С. Аксакова даются

ности пушкинского творчества стало одновременно и торжеством славянофильского направления, сумевшего сформировать достаточный уровень народного самосознания в обществе, благодаря чему и оказалось возможным признание истинной народности Пушкина. По мнению И.С. Аксакова, выраженному в обстоятельном письме Е.Ф. Тютчевой с описанием праздника, «вышло неожиданно хорошо, переросло всякие чаяния и стало истинным *событием* в историческом развитии русского общества, – великим актом самосознания, новой эрой, поворотным пунктом для наших молодых поколений и, в конце концов, торжеством того русского направления, или так называемого славянофильского, к которому принадлежало столько дорогих мне лиц и которого я остался в общем мнении как бы официальным представителем» [6, с. 91–92]. Центральное место на празднике занимала, разумеется, триумфальная речь Достоевского, которую Аксаков сразу после ее прочтения также назвал «событием», символизирующим «примирение» представителей различных общественно-идеологических направлений («западника» Тургенева, «славянофила» Аксакова, «охранителя» Каткова, «нигилистическую» молодежь и пр.) на основе, как он позднее выразился, «правды русского, глубоко-народного чувства»⁴. В этом плане Достоевский, выступавший единой «котерией» с Аксаковым, открыто признававшийся, что сущность его речи «была выражаема Хомяковым, братьями Киреевскими и И.С. Аксаковым»⁵, добившийся ошеломляющего эффекта, мог быть сам таким же символом «торжества» славянофильского направления, как и Пушкин. Поэтому Аксаков считал, что появившиеся после прошедшего «события» даже справедливые замечания А.И. Кошелева или А.Д. Градовского нежелательны, так как будут «ослаблять действие речи Достоевского»⁶. Тем не менее к возобновлению публицистической деятельности последнего периода своей жизни в газете «Русь» И.С. Аксаков подходил с известной долей оптимизма, тщательно подбирая талантливых сотрудников, которые могли бы ярко и успешно продолжать утверждать славянофильские иде-

---

по этому изданию с указанием тома. Все выделения авторские. См. также собрание историософской публицистики И.С. Аксакова, представленное в издании: Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002 [5] (вступительная статья В.Н. Грекова раскрывает основные темы историософских воззрений И.С. Аксакова).

⁴ См.: Аксаков И.С. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», а также напечатанные отдельно // Полное собрание сочинений И.С. Аксакова. Т. 2. С. 494 [4].

⁵ См. примеч. П.И. Бартенева к публикации: Письмо И.С. Аксакова о московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. Кн.2, № 5. С. 97 [6]. См. также: Бадалян Д.А. «Прототипы» идей Пушкинской речи Ф.М. Достоевского в произведениях А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и И.С. Аксакова // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Научные труды МГИ им. Е.Р. Дашковой / отв. ред. Л.В. Тычинина. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2003. С. 363–371 [7].

⁶ См.: Письмо И.С. Аксакова О.Ф. Миллеру от 14 июля 1880 г. // Достоевский. Новые материалы и исследования. Литературное наследие. Т. 86 / ред. И.С. Зильберштейн и Л.М. Розенблюм; том подгот. к печ. при участии К.П. Богаевской. М.: Наука, 1973. С. 512 [8].

алы в обществе. Одним из таких сотрудников стал В.С. Соловьев, который, однако, по его собственным словам, поставил целью своей деятельности именно разрушение славянофильства и уже в 1883 г. констатировал, что ему «пришлось нанести этой доктрине последний удар – *coup de grace*»⁷.

Еще А.Ф. Лосев с удивлением констатировал, что «отношение Вл. Соловьева к славянофильству является чрезвычайно сложной проблемой, которая включает и такие, например, вопросы, как расположенность Вл. Соловьева к Хомякову и И.С. Аксакову при отрицательном отношении к славянофильству вообще»⁸. Довольно близкое общение с таким нравственно-цельным и убежденным сторонником «русской идеи», как Иван Аксаков, своеобразно отразилось в творчестве Соловьева, который, отталкиваясь от положений, лежащих в основе славянофильских историософских представлений, логическим путем доводил их до полного искажения первоначального смысла. Такой подход был прекрасно виден сторонним наблюдателям спора Вл. Соловьева с Аксаковым и его единомышленниками, в первую очередь А.А. Киреевым, по национальному вопросу. Так, А.Ф. Аксакова писала своей сестре Дарье по этому поводу: «*As-tu lu dans les Славянские известия de Pétersbourg l'article de Solovief о народности и народных делах et la réponse que Kireef y fait? Solovief est comme toujours brillant de talent et de logique dans ses fausses déductions, car son point de départ est sa conclusion sont parfaitement fausses, mais reliés l'un l'autre par la dialectique le plus entraînantes et les raisons les plus spécieuses. Mais je trouve la réflexion de Kireef qui écrit dans la droiture et l'honnêteté de son coeur et de ses sincères convictions orthodoxes de beaucoup préférable pour ne pas dire supérieure à la brillante, mais creuse dialectique de Solovief*»⁹. Возможно, парадоксальность выводов при одинаковых посылах возникла из-за принятой Вл. Соловьевым своеобразной дихотомии, лежащей в основе его определения «русской идеи», сформулированной, правда, несколько позже, в 1888 г., но применяемой в противоборстве со славянофильством: «...*Идея нации есть не то, что она сама*

⁷ См.: Письмо В.С. Соловьева А.Н. Аксакову // Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. II / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. С. 291 [9].

⁸ См.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время / предисл. А.А. Тахо-Годи. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 261 [10]. О нюансах истории взаимоотношения И. Аксакова и Вл. Соловьева см. подробнее: Мотин С.В. «...Вероятно, у меня найдется для Вас что-нибудь менее спорное, чем Великий спор» (к истории взаимоотношений И.С. Аксакова и В.С. Соловьева) // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 2(42). С. 6–33 [11].

⁹ Пер. с фр.: «Читала ли ты в Петербургских [Славянских Известиях] статью Соловьева [о народности и народных делах] и что ответил на это Киреев? Соловьев, как всегда, блистает талантом и логичностью в своих ложных выводах, ибо его исходная точка и его выводы являются совершенно ложными, но соединены друг с другом самой убедительной диалектикой и самыми надуманными доводами. Но я нахожу рассуждения Киреева, который пишет в чистоте и честности своего сердца и своих искренних православных убеждений, гораздо предпочтительнее, если не сказать лучше, чем блестящая, но пустая диалектика Соловьева» (см.: Письмо А.Ф. Аксаковой Д.Ф. Тютчевой от 4 февраля 1884 г. // РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед.хр. 169. Л. 219 об. [12]).

думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»¹⁰. В аксаковском понимании здесь не может быть противоречия: без национального самосознания невозможно проникнуть и в «замысел Бога». Между тем Соловьев в качестве основных аргументов, призванных поколебать историософские представления славянофилов, выдвигает два знаковых исторических «явления» – Петр I и Пушкин, благотворная деятельность которых представляла, по его мнению, этапы «национального самоотречения»: «Утверждаясь в своем национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывалась бессильно произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное. Только при самом тесном внешнем и внутреннем общении с Европой русская жизнь производила действительно великие явления (реформа Петра Великого, поэзия Пушкина)»¹¹. Ввиду совсем недавно (на Пушкинских торжествах 1880 г.) решенного вопроса о народности Пушкина – аргументы весьма чувствительные для Аксакова, тем более что Соловьев за поддержкой обращался к признанному Аксаковым авторитету – Достоевскому (и его Пушкинской речи). Соловьев интерпретирует мысль Достоевского о всемирности Пушкина как противовес проповедуемой славянофилами национальной исключительности, но И.С. Аксаков прекрасно видел, что Достоевский, по сути, развивает положения, высказанные еще К.С. Аксаковым в его магистерской диссертации, в которой тот подробно объяснял смысл петербургского периода русской истории – через отрицание своего, обогатившись всеобщим, явить торжество своей самобытности, при этом подчеркивая, что «ни один народ не отважился на такое решительное, совершенное, строгое отрицание своей национальности, и потому ни один народ не может иметь такого общего всемирно-человеческого значения, как русский»¹². Таким образом, Пушкин оказался в орбите историософского спора между Аксаковым и Соловьевым. При этом важно отметить существенные различия исходных точек обоих оппонентов.

Во-первых, по мысли Аксакова, «примирение» на Пушкинском празднике западников и славянофилов не имело глобального характера, а стало возможным в отношении признания широкой общественностью именно народности Пушкина. Соловьев же, видимо, слова Аксакова о том, что «спор между славянофильством и западничеством кончен», экстраполировал на весь спектр их идейного расхождения и поэтому, ввиду общественной полемики по поводу речи Достоевского, считал славянофильскую идею поверженной. Во-вторых,

---

¹⁰ См.: Соловьев В.С. Русская идея / пер. с фр. Г.А. Рачинского. М.: Путь, 1911. С. 3 [13].

¹¹ См.: Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 10 т. / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. Т. 5 (1883–1892). 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911. С. 103 [14]. Этот аргумент, дополненный Ломоносовым, будет фигурировать и во втором выпуске «Национального вопроса» (Там же. С. 180).

¹² См.: Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова. Т. 2: Сочинения филологические. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1875. XII. С. 68–69 [15].

думается, Соловьев славянофильскую идею национального самосознания ошибочно связывал с национальной «исключительностью», национализмом, поэтому и возникало такое острое желание «нанести удар» славянофильству. Третьих, представления о месте и роли Пушкина в национальном культурном процессе были у оппонентов в разной степени сформированности: протяженная эволюция воззрений И.С. Аксакова о характере и роли пушкинского творчества к 1880 г. завершилась, а у Соловьева практически только началась и, возможно, могла еще не завершиться поздними статьями о Пушкине. Ввиду последнего обстоятельства можно считать, что спор Аксакова и Соловьева о Пушкине продолжался до конца жизни Вл. Соловьева.

Интересно, что в 1891 г. в статье «Русский национальный идеал» по поводу статьи Н.Я. Грота, требующего от философии следовать нравственному идеалу русского народа, Соловьев вновь возвращается к Пушкинскому празднику и его ключевым фигурам: «Носителем идеалов русского народного самосознания, русского христианского мировоззрения Н.Я. Грот выставляет Достоевского. В минуты вдохновения этот гениальный писатель, действительно, провидел всечеловеческий идеал нашего народа. Не только по основному характеру своих воззрений он ближе старых славянофилов (не говоря уже о позднейшем национализме) подходил к этому идеалу, но он даже дал для него – в своей Пушкинской речи и в последнем номере своего “Дневника” – совершенно верную, хотя и самую общую форму. Истина этой новой формулы была настолько ясна, что стойкий знаменосец старого славянофильства И.С. Аксаков на минуту бросил свое знамя и торжественно объявил на Пушкинском празднике, что спор между славянофильством и западничеством кончен, что все прежние противоречия разрешены и упразднены. На этом же празднике не только Аксаков похоронил исключительное славянофильство, но и М.Н. Катков говорил о мире и свободе и провозглашал тост: “Да здравствует разум, да скроется тьма”. Увы! это был только светлый праздник, и как скоро он забылся в наступивших за ним темных буднях! Прав оказался Тургенев, не поверивший миролюбию (в то время, однако, совершенно искреннему) Каткова...» [14, с. 419]. То, что Пушкинский праздник и речь Достоевского на нем оставили после себя ощущение искусственности общественно-политического действия прекрасно видели и в ближайшем окружении Аксакова. Так, А.Ф. Аксакова писала сестре Дарье 6 июля 1880 г., удивительно сходясь с указанным выше мнением Соловьева: «Mon mari t'enverra son discours des qu'il sera imprimé, ce qui sera sous peu. As-tu lu le discours de Tourguénief à l'occasion du jubilé de Pouchkine. Je le trouve bien supérieur à celui de Dostoefsky, dont on fait tant de bruit. Tourguénief parle réellement de Pouchkine et d'un Pouchkine réel, tel qu'il a été et tel qu'il se comprenait lui même tandis que les autres parlent d'un Pouchkine fantastique et l'affublent e leurs propres opinions et imaginations et le font serair à mettre en avant leurs propres idées. Tout cela est d'une société si peu mûre tandis que Tourguénief a la parole d'un homme fait. Ce n'est pas l'avis des

Slavénophiles, mais si on veut être dans le vrai, on ne peut pas suivre ces Messieurs dans toutes leurs fantaisies de parti pris»¹³. Действительно, Тургенев предпринял попытку представить Пушкина как свободного поэта-художника, сына своей эпохи, представителя «чистого искусства», русского по духу, через язык выразившего коренные свойства русского народа. Все, что он говорил в этом плане, не могло вызывать возражения у Аксакова, который сам в «Биографии Федора Ивановича Тютчева» давал Пушкину сходную характеристику. Тем не менее стихийно возникшие условия пушкинских торжеств требовали четкой позиции по вопросу народности поэта, а у Тургенева она была довольно вялая. С точки зрения Аксакова, «много уступок сделал он из своего западничества, однако же еще не решался признавать Пушкина “национальным гением”, не по происхождению, разумеется, а по внутреннему духу его поэзии. Одним словом, как я ему сказал шутя: говорил он хоть и не совсем как автор “Дыма”, однако ж дымом пахивало!» [6, с. 95] Поэтому о полной беспристрастности Тургенева говорить не приходится. Однако заметим, что «пристрастны» как по отношению к Достоевскому, так и по отношению к Тургеневу оказались и Соловьев с Аксаковым: Соловьев считал, что на фоне речи Достоевского Аксаков «похоронил исключительное славянофильство», а Аксаков увидел, что Тургенев «много уступок сделал ... из своего западничества». Признавая важное общественно-историческое значение самого Пушкинского праздника, где на первый план вышел национальный вопрос, Аксаков и Соловьев по-разному воспринимали его результаты: Аксаков – как победу славянофильской идеи, выразившейся в достаточном уровне национального самосознания, Соловьев – как начало борьбы за наднациональную идею свободной теократии, в которой России уготован духовный подвиг национального самоотречения ради утверждения вселенского христианства.

В главном труде Вл. Соловьева позднего периода «Оправдание добра» (второе изд. 1899 г.) Пушкин, так же как в 1880-е гг., поставлен в историософский контекст («Добро через историю человечества»), но уже в той формулиров-

---

¹³ Пер. с фр.: «Мой муж пришлет тебе свою речь, когда она будет напечатана, что будет в ближайшее время. Ты читала речь [Тургенева] по случаю Пушкинского праздника? Я считаю, что он намного превосходит Достоевского, о котором так много говорят. Тургенев так, как есть, говорит о Пушкине и о настоящем Пушкине, каким он был и каким он себя понимал, в то время как другие говорят о фантастическом Пушкине и дополняют его своими собственными мнениями и фантазиями и заставляют его выдвигать их собственные идеи. Все это от незрелости общества, в то время как у Тургенева – это слово взрослого мужчины. Это не мнение славянофилов, но если хочешь быть правдивым, не нужно следовать этим господам во всех их пристрастных фантазиях» (см.: Письмо А.Ф. Аксаковой Д.Ф. Тютчевой от 6 июля 1880 г. // РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед.хр. 169. Л. 46–46 об.). С другой стороны, сестра А.Ф. Аксаковой Е.Ф. Тютчева с одобрением писала Аксакову 19 июня 1880 г. в ответ на его описание Пушкинских торжеств: «Твоя речь была прекрасна, и я ее прочла с одушевлением и написала даже маменьке о том впечатлении, которое она на меня произвела. Достоевский сказал меткое слово, из глубины души, преподал истину, добытая (так – Н.В.) ценою жизни; жизнью сознательною, исполнивши свой подвиг и одержавши победу духа над миром» [16].

ке (без «самоотречения», которого в рамках нравственной философии уже не требовалось), с которой согласился бы и Аксаков: «Петр Великий и Пушкин – достаточно этих двух имен, чтобы признать, что наш национальный дух осуществляет свое достоинство лишь в открытом общении со всем человечеством, а не в отчуждении от него» [17, с. 434–435]. Здесь же Соловьев говорит о «русском универсализме – который так же не похож на космополитизм, как язык апостолов на волапук, – связан с именами Петра Великого и Пушкина: пусть же назовут другие, равные этим национальные русские имена!» [17, с. 591]. И опять же данная характеристика не противоречила воззрениям И.С. Аксакова, который верил, что «великому историческому организму, какова Россия, призванному ко всемирной роли, неминуемо было приобщиться общечеловеческого просвещения и поработать ему самостоятельно всеми дарами своего народного духа ... примирить в себе односторонности Востока и Запада, претворить духовные богатства того и другого в одно великое целое» [4, т. 2, с. 777]. Что касается Петра Великого, то И.С. Аксаков, как и старшие славянофилы, никогда не подвергал сомнению важность и необходимость этого рубежного периода в российской истории, благодаря которому стало возможно само существование русской литературы и философии. Протест вызывали методы Петровского реформирования и его последствия для народного организма. Об этом Аксаков говорил и в Пушкинской речи: «Переходу в русском народе от общности непосредственного бытия к высшей жизни и деятельности народного духа в сфере личного сознания рано или поздно надлежало, разумеется, совершиться – и он совершился, но поздно и не мирным органическим процессом, а мучительнейшим из переворотов. Кто бы ни был в том виноват, сам ли народ, Петр ли Великий, могло ли бы или не могло оно совершиться иначе, эти вопросы теперь излишни; важен самый исторический факт. А факт таков (и этого не отринет ни один историк), что русская земля подверглась внезапно страшному внешнему и внутреннему насилуванью. Рукой палача совлекался с русского человека образ русский и напяливалось подобие общеевропейца» [4, т. 7, с. 815]. Современный исследователь Д.А. Бадалян, внимательно изучивший отношение славянофилов к Петру I, пришел к справедливому выводу, что «ряд искусственно мифологизированных представлений о славянофилах и их отношении к Петру I был создан и растиражирован их противниками в условиях все нарастающей общественно-политической конфронтации»¹⁴. Получается, что и Соловьев некритично воспринял мифологизированное представление об отношении славянофилов к петровским преобразованиям, которое не пересмотрел с течением времени. Во втором выпуске «Национального вопроса» Соловьев с еще большей силой обрушивается на славянофильское направление, поскольку считает, что, «защищая дело Петра Великого против возобновившихся ныне нападений, мы стоим за смысл русской истории,

¹⁴ См.: Бадалян Д.А. Представления славянофилов о Петре I и его реформах и их интерпретация противниками славянофильства // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 142 [18].

за истинное значение русского государства»¹⁵. Вместе с тем движение его мысли, по сути, идет в одном русле со славянофильским анализом, иногда вплоть до текстуальных совпадений. Так, размышления Соловьева об «отрицательном» характере русской литературы¹⁶ имеют явные переключки с магистерской диссертацией К.С. Аксакова, историко-литературным анализом И.С. Аксакова в «Биографии Федора Ивановича Тютчева» и почти во всех его статьях, в которых затрагивались вопросы художественной литературы.

Как известно, наибольшую остроту противостояние И.С. Аксакова и Вл. Соловьева набрало в 1883–1884 гг. в связи с публикацией последнего его статьи в «Руси» «Великий спор и христианская истина», в которой Аксаков, первоначально приветствующий славянофильскую по духу идею Соловьева о том, что «без народного не может быть и общечеловеческого», впоследствии усмотрел уклонение Соловьева в сторону католицизма, вызванное софистическим «мудрствованием». В рамках этого противостояния разгорелась полемика на страницах «Руси» и «Известий Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества», в которой, с одной стороны, Вл. Соловьев выступил со своими статьями, объясняющими суть подвига «национального самоотречения», которые стали основой последующих выпусков брошюр «Национальный вопрос в России» (1884, 1889, 1891 гг.) и «Русская идея» (1888 г.), с другой стороны, с критическими статьями, доказывающими ущербность выводов Соловьева, выступили И.С. Аксаков, Н.П. Гиляров-Платонов, А.А. Киреев и Н.Н. Страхов. Показательно, что в рамках этой полемики Пушкин у Соловьева выступает и в качестве уже упомянутого выше аргумента в пользу «национального самоотречения», и одновременно в качестве примера «национального эгоизма». Последнее касалось пушкинского стихотворения «Клеветникам России». Рассуждая о пагубности «национального эгоизма», Соловьев сурово провозглашает: «...если каждый народ смотрит на другие или как на вечных врагов и соперников, или же как на ручьи, которые должны слиться в его море, – если, одним словом, национальное чувство является только в образе национального эгоизма, – то, без всякого сомнения, оно есть отречение от вселенского христианства и возвращение к языческому и ветхозаветному партикуляризму» [14, с. 25]. Интересно, что в 1859 г., разбирая статью Н.С. Соханской «Степной цветок на могилу Пушкину», присланную в «Русскую Беседу», и Аксаков решительно выступал против позиции Пушкина, выраженной этим стихотворением: «Ну с этим profession de foi я не согласен. Беседа проповедует полную самостоятельность славянских племен, вовсе не хочет, чтобы они слились в русском море, требует освобождения Польши. Увы! Вся наша политическая слава беззаконна! Наше могущество – грешное, от того оно так и рухнулось.

---

¹⁵ См.: Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева в 10 т. / под ред. и с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. Т. 5 (1883–1892). 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911. С. 161 [14].

¹⁶ Там же. С. 178–179.

<...> Нет, совесть не позволяет сказать нам – что тут сознание нашей *правоты*» [1, с. 48]. Впрочем, совсем скоро, в пору польского восстания 1863–1865 гг., Аксаков пересмотрит эту точку зрения, приняв «правоту» Пушкина, а уже Соловьёву разъяснит так: «Что же касается, в частности, пушкинского стиха, то ведь этот стих сказан поэтом именно в ответ на гремевшие тогда в Европе польские и французские диатрибы о том, что Россию следует исключить из мира славянского, оттеснить в Азию и т.д. <...> Никогда Пушкин не имел в виду уничтожения славянских племенных индивидуальностей, а только совокупление их для мирового значения славянства через Россию» [4, т. 4, с. 231]. При этом там, где Соловьёв видел «национальный эгоизм», для Аксакова было очевидно «политическое бескорыстие», особенно ввиду широкого добровольческого движения за освобождение славян в ходе русско-турецкой войны. Да и в своей Пушкинской речи указанным стихотворением Пушкина Аксаков демонстрирует его «живое, здоровое историческое чувство»: «Он и в современности чувствовал себя всегда как в исторической рамке, *в пределах живой, продолжающейся истории*. Посмотрите, как чутко отзывается он на все истинно великие русские события своей эпохи, как горячо принимает к сердцу и честь, и славу, и самое внешнее достоинство России; какой негодующий стих бросает он в ответ “Клеветникам России”, скликавшим всю Европу в новый против нас крестовый поход! Пушкин был живой русский, *исторически чувствовавший человек* и не принадлежал к числу доктринеров, которые не смеют отдаться самым простым, естественным движениям русского чувства без справок с своей доктриной» [4, т. 7, с. 830–831]. Вообще, установка на «здоровый смысл» русского народа, базирующийся на национальном чувстве, свободном от предвзятых доктрин, «мудрствования» – основа позиции по национальному вопросу у Аксакова в 1880-е гг. Идеалом здесь для него опять же выступал Пушкин, который «любил русский народ не отвлеченно, а вместе с той реальной исторической формой, в которую он сложился и в которой живет и действует в мире, – любил и русскую *Землю* и *Русское Государство*, содержа их в своей душе в том тесном любовном союзе, в каком содержит их и душа народа, вопреки всех временных ошибок и уклонений государственной власти» [4, т. 7, с. 831]. Именно в отсутствии «любви» и игнорировании «здорового смысла» истории видел Аксаков корень «заблуждений» Соловьёва, который «имеет дело лишь с абстрактным материалом, где самые радикальные силлогизмы строятся и выводятся очень удобно и смело, так как непосредственное чувство слабо или заглушено и не беспокоит автора криком боли или обиды»¹⁷. Впрочем, несмотря на жесткую критику молодого философа, Аксаков, видимо, считал эти «заблуждения» болезнью роста и надеялся, что его талант и духовные силы

¹⁷ См.: Аксаков И.С. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», а также напечатанные отдельно // Полное собрание сочинений И.С. Аксакова. Т. 4. С. 226.

укажут ему верную дорогу¹⁸. Однако идея самоотречения русского народа в пользу вселенского объединения христианства еще долго занимала Соловьева. Так, через год после смерти Аксакова Соловьев прочел в Москве две публичные лекции на тему «Славянофильство и русская идея», которые вызвали неприятие московских сторонников Аксакова. По свидетельству Л.И. Поливанова, которое приводит С.М. Соловьев, москвичи не услышали ничего нового: «Соловьев делит историю развития христианской идеи на следующие моменты: Константин Великий, Владимир Святой, Петр Великий, укрепивший христианство западной наукой, Пушкин, растворивший европейскую культуру в русском духе. Теперь русская идея должна дать свой плод; Соловьев хочет *доказать* мысль славянофилов» [19, с. 359]. Доказательство, скорее всего, снова состояло в неизбежности припасть русскому народу, как выразился бы Аксаков, «к папской туфле» [4, т. 4, с. 226] в виду чаемой земной Вселенской церкви, и ошибочность чего долго, пространно и подробно Аксаков и его единомышленники развенчивали на страницах «Руси». Разочарование москвичей, особенно А.Ф. Аксаковой, в этом плане вполне объяснимо, и вряд ли был прав А.Ф. Лосев, предположивший, что, «по-видимому, тогдашняя московская публика была настроена достаточно славянофильски, чтобы косо относиться к восхвалению Петра I и Пушкина, но в то же время достаточно западнически, чтобы отнестись холодно к идее вселенской церкви» [10, с. 78].

Известно, что первую часть материала этих лекций Соловьев частично опубликовал в статье «Владимир Святой и христианское государство» (1888 г.), а по поводу второй части писал брату Михаилу: «Вторая половина (о Петре В<еликом>, Пушкине и заключение) требует основательной обработки, с которой я не хочу торопиться»¹⁹. До Пушкина очередь дошла к середине 1890-х годов, и эта тема занимала Соловьева до конца его жизни. Несомненное влияние славянофильской эстетики видится в двух основополагающих работах Вл. Соловьева: «Судьба Пушкина» (1897 г.) и «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899 г.), где Пушкин рассматривается в контексте «нравственной философии», которая сама во многом является развитием религиозно-этических идей Хомякова. Две эти статьи Соловьева эволюционно связаны, о чем он упоминает в начале статьи 1899 г., подчеркивая, что «этический взгляд, изложенный в статье «Судьба Пушкина» и сводящийся к тому простому положению, что «гений обязывает» и что «кому много дано, с того много и взыщет-

---

¹⁸ О добром отношении к Соловьеву свидетельствуют и слова А.Ф. Аксаковой в письме сестре Дарье от 25 октября 1885 г.: «Mon mari a des vendredis très brillant jusqu'à 20 messieurs s'y réunissent. Même les autres soirs nous sommes rarement seuls. Solovief est venu vue comple de fois. C'est un homme bien intéressant malgré ses aberrations dogmatique» [12, л. 70–71 об.]. Пер. с фр.: «У моего мужа очень яркие пятницы, там собираются до 20 господ. Да и в другие вечера мы редко бываем одни. Соловьев приходил повидаться несколько раз. Он очень интересный человек, несмотря на свои догматические заблуждения».

¹⁹ См.: Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. IV / под ред. Э.Л. Радлова. Петербург: Изд-во «Время», 1923. С. 105 [20].

ся», не претерпел изменений и является нравственной основой для «эстетического обсуждения пушкинской поэзии»²⁰.

Для Ивана Аксакова осмысление «нравственного критерия» для определения национальной значимости русской литературы было важным этапом формирования его литературно-эстетических воззрений. Еще в эпоху «Русской Беседы» он горячо приветствовал статью Ап. Григорьева «О правде и искренности в искусстве» (1856 г.), потому что «чрезвычайно важно, что вносится такой нравственный критерий в эстетику»²¹, и Н.С. Соханской «Степной цветок на могилу Пушкина» (1859 г.), в которой представлены религиозно-возвышенные черты нравственной личности поэта. Ап. Григорьев ставил в своей статье весьма важный и актуальный вопрос о целостности нравственного облика поэта, чуждого раздвоению на человека и художника именно в силу первородных национальных устоев, потому что «у нас есть заветные идеалы, есть свои сложившиеся в прошедшем и доселе живущие в настоящем созерцании, что у нас не кончился даже еще период безличного, непосредственного творчества. Стало быть, с раздвоением мы имеем дело как с теорией, а не как с жизнью»²². Наконец, у Ап. Григорьева не вызывает сомнений народность Пушкина, поскольку «в наиболее зрелых произведениях поэт приведен был к идеальным, то есть религиозным, основам народной нравственности»²³. С этой точки зрения разделение Пушкина на человека и поэта неприемлемо, поскольку если в его творчестве смогли проявиться высокие нравственные идеалы, значит, они были и в его душе. Именно такой подход реализовал Аксаков, раскрывая нравственную биографию Ф.И. Тютчева.

В «Судьбе Пушкина» Соловьёв довел этическую линию до логического конца, который «гения обязывает», но, видимо, и сам понимал, что логика же требует судить поэта по его «делам», в которых «гений пребывает». Такая логика, видимо, сказала и в упомянутой выше статье Н.С. Соханской «Степной цветок на могилу Пушкина», которая вслед за Ап. Григорьевым выявляет религиозные основы народной нравственности в творчестве Пушкина, так же вводя «нравственный критерий в эстетику»²⁴. Поэтому закономерно она подвергает

---

²⁰ См.: Соловьёв В.С. *Философия искусства и литературная критика* / вступ. ст. Р. Гальцевой и И. Роднянской. М.: Искусство, 1991. С. 318 [21].

²¹ См.: Аксаков И.С. *Письма родным. 1849–1856* / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. С. 468 [22].

²² См.: Григорьев Аполлон. *Эстетика и критика* / вступ. ст., сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 62 [23].

²³ Там же. С. 67.

²⁴ О некоторых аспектах взаимоотношений Н.С. Соханской и В.С. Соловьёва см. в статье: Фети-сенко О.Л. *Кохановская (Н.С. Соханская) и ее судьба в русской литературе (к 200-летию со дня рождения)* // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 1 (77). С. 109–121 [24]. Исследовательница также обратила внимание, что «в суждении Соловьёва о Пушкине и других поэтах можно отыскать элементы творческого диалога с известной статьей Кохановской «Степной цветок на могилу Пушкина» (Там же. С. 114)

анализу пушкинские стихотворения, посвященные теме поэта и назначения поэзии, и приходит к мысли, что Пушкин был одним из великих посланных России Богом поэтов-пророков, который в некоторых своих стихах выразил «веру в высшее духовное, религиозное предопределение его таланта»²⁵. Именно поэтому центральным звеном в «эпопее духа» поэта становится стихотворение «Пророк», в котором со всей очевидностью отразился эпический характер пушкинской поэзии: «это чисто библейский эпос во всем величии священных картин и образов повествуемого события»²⁶. Спустя полвека Вл. Соловьёв, конечно, на более глубоком уровне в статье «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» осуществит путь в таком же направлении нравственно-эстетического анализа. Интересно, что А.С. Хомяков, который высоко оценил художественное достоинство статьи и замысел Соханской о том, что она «хотела и могла так посмотреть на Пушкина»²⁷, решительно не был согласен именно с нравственной трактовкой его поэзии, о чем написал Аксакову: «Вспомните, те чудные стихи, которые Сох<анская> приводит и которые действительно составляют как бы связь между другими, совершенно отрывочными, переделаны из Данта. Они-то и имеют по преимуществу характер басовой ноты. «Пророк», бесспорно, великолепнейшее произведение русской поэзии, получил свое значение, как вы знаете, по милости цензуры (смешно, а правда). Вглядитесь во все это беспристрастно, и вы почувствуете, что способности к басовым аккордам не доставало не в голове Пушкина и не в таланте его, а в душе, слишком непостоянной и слабой или слишком рано развращенной и уже никогда не находившей в себе сил для возрождения (Пушкин измелъчался не в разврате, а в салоне). Оттого-то вы не можете им восхищаться, или лучше, не можете не восхищаться, но не можете ему благоговейно кланяться» [26, с. 366]. В противовес Пушкину Хомяков приводит пример Шиллера и Гете, в творчестве которых он слышит суровые, «басовые» ноты: «Хвалите, браните этих людей; но как бы вы к ним не относились в художественном сочувствии, вы не можете не признавать в них строгих, мужественных, мужских душ, духовных борцов, перед которыми невольно преклоняешься. Не так ли? И все-таки я рад, что Сох<анская> проследила, прочувствовала ту способность в Пушк<ине>, которой он не развил, те звуки, которые у него разбросаны более как вздохи временного ропота на себя, чем как слова сознательного достоинства» [26, с. 366–367]. В.А. Кошелев, рассматривая отношение Хомякова к Пушкину, справедливо отмечает: «Именно “душа” смущает Хомякова: сознавая “всеобщность” Пушкина-поэта, Хомяков не может не совместить ее с бытовым представлением о его личности, не спроецировав “душу” на художественные созда-

---

²⁵ См.: Кохановская (Соханская) Н.С. Степной цветок на могилу Пушкина // Русская Беседа. 1859. Кн.V (XVII). С. 37 [25].

²⁶ Там же. С. 35.

²⁷ См.: Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. 3-е изд., доп. Т. 8: Письма. М.: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1904. С. 366 [26].

ния [27, с. 40]. А.С. Хомяков подходит к Пушкину с меркой христианской истины, которая являлась для славянофилов главным и универсальным критерием. Но именно эту мерку использует и Соловьев в «Судьбе Пушкина» и закономерно приходит к подобному же выводу. Соловьев и в статье 1899 г. продолжает считать, что, «не тревожа колоссальных теней Гомера и Данте, Шекспира и Гете», даже в сравнении с Байроном и Мицкевичем Пушкин уступает соответственно по «напряженной силе своего самочувствия и самоутверждения» Байрону и по «глубине своего религиозного чувства» Мицкевичу. Напомним, и для Хомякова художественность и поэтическое наитие не показатели истинной народности и всемирного значения художника, должно быть серьезное нравственное значение, «басовые ноты», а в этом отношении Пушкин не выдерживает сравнения с Гете и Шиллером. И с точки зрения Соловьева, главным достоинством Пушкина «была просто живая, открытая, необыкновенно восприимчивая и отзывчивая ко всему душа – и больше ничего. Единственно крупное и важное, что он знал за собою, был его поэтический дар; ясно, что он ничего общезначительного не мог от себя заранее внести в поэзию, которая и оставалась у него чистою поэзией, получавшею свое содержание не извне, а из себя самой. Основной отличительный признак этой поэзии – ее свобода от всякой предвзятой тенденции и от всякой претензии» [21, с. 320]. Таким образом, Соловьев, как и Хомяков, останавливается на констатации нравственно-эстетического значения пушкинского творчества. Аксаков же, оттолкнувшись от этой мысли, развил ее в историческом ключе: Пушкин и поэты пушкинской плеяды представляли собой «период искренности» русской литературы, в котором «стихотворческой деятельности в России надлежало достигнуть до крайнего своего напряжения, развиться до апогея» и стать «исполнением не только их личного, но исторического призвания эпохи», а этот период «отличается ... совершенно особым характером поэзии, – как самостоятельного явления духа, поэзии бескорыстной, самой для себя, свободной, чистой, не обращенной в средство для достижения посторонней цели, – поэзии, не знающей тенденций»²⁸.

В рамках же нравственного подхода Аксаков не мог обойти вопрос о «полезности» искусства. Для Аксакова это логический вывод из предыдущего суждения, которым он объясняет «великое и бессмертное историческое дело Пушкина» в Пушкинской речи: «И именно потому, что Пушкин был служителем чистого, т.е. искреннего в себе самом искусства, не обращал поэзию умышленно в орудие разных предвзятых идей и теорий, ни политических, ни социальных, не сузился в доктринера, не ставил себе внешнею целью “польз”, не послушался толпы сторонников грубого утилитаризма, а неуклонно слышал в душе своей иной Божественный голос: “не о хлебе едином жив будет чело-

²⁸ См.: Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. Репринтное воспроизведение издания 1886 года. М.: АО «Книга и бизнес», 1997. С. 79–80 [28].

век”, – только потому и явился он таким беспредельно полезным общественным деятелем» [4, т. 7, с. 820]. В этом отношении позиции Аксакова и Соловьёва сходятся почти буквально. В 1859 г. Аксаков подсказывал Н.С. Соханской внести поправку по поводу «черни» из стихотворения «Поэт и толпа»: «Мы должны сделать здесь оговорку такого рода: что под словом “чернь” Пушкин не разумел простой народ, людей бедных и не имущих хлеба, чему доказательством служит анекдот о том, как он прочел эти стихи в доме *высшего* круга. Что в сочувствии и уважении к народу мы не уступим ни гражданину-Некрасову и никому, но что тем не менее мы думаем, что значение поэзии важно и полезно именно тем благотворным действием, которое поэзия производит в душе человека, что “сладкие звуки и молитвы” перевоспитывают нас, действуют *положительно*, а не *отрицательно*, что благо, что есть такие люди, которые не приковывают свой дар к временным случайным вопросам, и гремят нам истинами вечными и т. п.» [1, с. 51–52]. Соловьёв в статье о значении поэзии в стихах Пушкина так же останавливается на характеристике «черни», уточняя, что здесь не подразумевается социальный конфликт и не может идти речи как о простом народе, так и о высшем сословии, а речь идет об «умственной и нравственной черни», впрочем, чисто формально принадлежащей к среднему и высшему обществу. Что касается «пользы», то, конечно, только нравственная польза может действовать «положительно», а нравственность определяется «большим народом»: «этот большой народ, конечно, не та маленькая “чернь”, светская и старосветская, что его окружает. <...> В этом большом народе есть добро, и оно даст добрый отклик на то, что найдет добрым в поэзии Пушкина. Поэт не провидит, чтобы этот большой народ весь состоял из ценителей чистой поэзии: и эти люди будут требовать пользы от поэзии, но они будут искренно желать истинной пользы нравственной; навстречу такому требованию поэт может пойти без унижения: ведь и чистая поэзия приносит истинную пользу, хотя не преднамеренно. <...> Для поэта главное в поэзии – она сама, но он не может отрицать и ее нравственной пользы; для “народа” главное в поэзии – эта нравственная польза, но ведь он ценит и ее прекрасную форму» [21, с. 368–369]. Отсюда остается один шаг к определению исторического смысла пушкинской поэзии, и, видимо, Соловьёв шел к этому, предполагая продолжать свой большой труд о Пушкине, и, вполне возможно, смог бы преодолеть в историософском обосновании феномена пушкинского творчества И.С. Аксакова, который лишь приблизился к нему в своей Пушкинской речи.

Таким образом, отношение И.С. Аксакова и Вл. Соловьёва к Пушкину своеобразно эволюционировало и имело как точки непримиримого расхождения, так и точки пересечения. Поздний Соловьёв, разрабатывающий основы своей «нравственной философии» и рассматривающий феномен пушкинского творчества с нравственно-эстетической позиции, наиболее близко подошел к аксаковскому представлению о «судьбе» Пушкина в историко-культурном процессе национального самосознания.

Список литературы

1. Семья Аксаковых и Н.С. Соханская (Кохановская). Переписка (1858–1884) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2018. 600 с.
2. Самарин Ю.Ф. Письма К.С. Аксакову. 1839–1860 // Самарин Ю.Ф. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Русское самосознание / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: ООО Изд-во «Росток», 2016. С. 239–314.
3. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика / сост., вступ. ст., коммент. В.А. Кочелева. М.: Искусство, 1995. 526 с.
4. Аксаков И.С. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», а также напечатанные отдельно // Полн. собр. соч. И.С. Аксакова. Т. 1–7. М.: тип. М.Г. Волчанинова (бывш. М.Н. Лаврова и К°), 1886–1887.
5. Аксаков И.С. «Отчего так нелегко живется в России?» / сост., вступ. ст. В.Н. Грекова; примеч. В.Н. Грекова, Н.А. Смирновой; ред. Н.А. Чистякова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 1008 с.
6. Письмо И.С. Аксакова о московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский архив. 1891. Кн. 2, № 5. С. 90–99.
7. Бадалян Д.А. «Прототипы» идей Пушкинской речи Ф.М. Достоевского в произведениях А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и И.С. Аксакова // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Научные труды МГИ им. Е.Р. Дашковой / отв. ред. Л.В. Тычинина. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2003. С. 363–371.
8. Письмо И.С. Аксакова О.Ф. Миллеру от 14 июля 1880 г. // Достоевский. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 86 / ред. И.С. Зильберштейн и Л.М. Розенблюм; том подгот. к печ. при участии К.П. Богаевской. М.: Наука, 1973. 790 с.
9. Письмо В.С. Соловьёва А.Н. Аксакову // Письма Владимира Сергеевича Соловьёва. Т. II / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1909. 368 с.
10. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время / предисл. А.А. Тахо-Годи. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2009. 617 с.
11. Мотин С.В. «...Вероятно, у меня найдется для Вас что-нибудь менее спорное, чем Великий спор» (к истории взаимоотношений И.С. Аксакова и В.С. Соловьёва) // Соловьёвские исследования. 2014. Вып. 2(42). С. 6–33.
12. Письма А.Ф. Аксаковой Д.Ф. Тютчевой 1880–1884 // РГАЛИ. Ф. 505. Оп. 1. Ед.хр. 169.
13. Соловьёв В.С. Русская идея / пер. с фр. Г.А. Рачинского. М.: Путь, 1911. 51 с.
14. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва в 10 т. / под ред. и с примеч. С.М. Соловьёва и Э.Л. Радлова. Т. 5 (1883–1892). 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1911. 488 с.
15. Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка // Полн. собр. соч. Константина Сергеевича Аксакова. Т. 2: Сочинения филологические. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1875. С. 23–388.
16. Письма Е.Ф. Тютчевой И.С. Аксакову 1865–1882 // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед.хр. 198.
17. Соловьёв В.С. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации; Алгоритм, 2012. 566 с.
18. Бадалян Д.А. Представления славянофилов о Петре I и его реформах и их интерпретация противниками славянофильства // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 142.
19. Соловьёв С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 599 с.
20. Письма Владимира Сергеевича Соловьёва. Т. IV / под ред. Э.Л. Радлова. Петербург: Изд-во «Время», 1923. 243 с.
21. Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика / вступ. ст. Р. Гальцевой и И. Роднянской. М.: Искусство, 1991. 701 с.
22. Аксаков И.С. Письма родным. 1849–1856 / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. 704 с.

23. Григорьев Аполлон. Эстетика и критика / вступ. ст., сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. 496 с.
24. Фетисенко О.Л. Кохановская (Н.С. Соханская) и ее судьба в русской литературе (к 200-летию со дня рождения) // Соловьевские исследования. 2023. Вып. 1(77). С. 109–121.
25. Кохановская (Соханская) Н.С. Степной цветок на могилу Пушкина // Русская Беседа. 1859. Кн. V (XVII). С. 11–64.
26. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. 3-е изд., доп. Т. 8: Письма. М.: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1904. IV, 467 с.
27. Кошелев В.А. Пушкин и Хомяков // Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1987. Вып. 21. С. 24–42.
28. Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. Репринтное воспроизведение издания 1886 года. М.: АО «Книга и бизнес», 1997. 328 с.

References

(Sources)

Individual Works

1. Aksakov, I.S. Stat'i iz «Dnya», «Moskvyy», «Moskvicha» i «Rusi», a takzhe napechatannyye otdel'no [Articles from the “Day”, “Moscow”, “Moskvich” and “Rus”, as well as printed separately], in Aksakov, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy I.S. Aksakova. T. 1–7* [Complete works of I.S. Aksakov. Vol. 1–7]. Moscow: tipografiya M.G. Volchaninova, 1886–1887.
2. Aksakov, I.S. «*Otchego tak nelegko zhivetsya v Rossii?*» [Why is it so hard to live in Russia?]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2002. 1008 p.
3. Aksakov, I.S. *Pis'ma rodnym. 1849–1856* [Letters to relatives. 1849–1856]. Moscow: Nauka, 1994. 704 p.
4. Aksakov, I.S. *Biografiya Fedora Ivanovicha Tyutcheva. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1886 goda* [Biography of Fedor Ivanovich Tyutchev. Reprint reproduction of the 1886 edition]. Moscow: АО «Книга и бизнес», 1997. 328 p.
5. Aksakov, K.S. *Estetika i literaturnaya kritika* [Aesthetics and literary criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1995. 526 p.
6. Aksakov, K.S. Lomonosov v istorii russkoy literatury i russkogo yazyka [Lomonosov in the history of Russian Literature and Russian Language], in Aksakov, K.S. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 2: Sochineniya filologicheskoye* [Aksakov K.S. Complete set of works. Vol. 2: Philological works]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i K°), 1875, XII. 661 p.
7. Fetisenco, O.L. (ed.) *Sem'ya Aksakovykh i N.S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya): Perepiska. 1858–1884* [The Aksakov Family and N.S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya). Correspondences 1858–1884]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2018. 600 p.
8. Grigor'ev, Apollon. *Estetika i kritika* [Aesthetics and criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1980. 496 p.
9. Khomyakov, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 8. Pis'ma* [Complete set of works. Vol. 8. The letters]. Moscow: Tipolitografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i K°, 1904. IV. 467 p.
10. Kokhanovskaya (Sokhanskaya), N.S. Stepnoy tsvetok na mogilu Pushkina [A steppe flower on Pushkin's grave], in *Russkaya beseda*, 1859, book V (XVII), pp. 11–64.
11. Pis'ma A.F. Aksakovoy D.F. Tyutchevoy 1880–1884 [Aksakova's letters to Tyutchev, 1880–1884], in *RGALI*, F. 505, Op. 1, Ed.hr. 169.
12. Pis'ma E.F. Tyutchevoy I.S. Aksakovu 1865–1882 [E.F. Tyutcheva's letters to I.S. Aksakov], in *RGALI*, F. 10, Op. 1, Ed.hr. 198.
13. *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva. T. IV* [The letters of Vladimir Sergeevich Solov'ev. Vol. IV]. Saint-Peterburg: Izdatel'stvo «Vremya», 1923. 243 p.

14. Pis'mo I.S. Aksakova o moskovskikh prazdnikakh po povodu otkrytiya pamyatnika Pushkinu [A letter to I.S. Aksakov about the Moscow holidays on the occasion of the opening of the monument to Pushkin in Russia], in *Russkiy arkhiv*, 1891, book 2, no. 5, pp. 90–99.
15. Pis'mo I.S. Aksakova O.F. Milleru ot 14 iyulya 1880 g. [Letter of I.S. Aksakov to O.F. Miller dated July 14, 1880], in *Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya. Literaturnoe nasledstvo. T. 86* [Dostoevsky. New materials and researches. Literary heritage. Vol. 86]. Moscow: Nauka, 1973. 790 p.
16. Pis'mo V.S. Solov'eva A.N. Aksakovu [Letter from V.S. Solovyov to A.N. Aksakov], in *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva. T. II* [The letters of Vladimir Sergeevich Solov'ev. Vol. II]. Saint-Petersburg: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1909. 368 p.
17. Samarin, Yu.F. Pis'ma K.S. Aksakovu. 1839–1860 [Letters to K.S. Aksakov. 1839–1860], in Samarin, Yu.F. *Sobranie sochineniy v 5 t., t. 3. Russkoe samosoznanie* [Collected works in 5 vol., vol. 3. The Russian self-consciousness]. Saint-Petersburg: OOO Izdatel'stvo «Rostok», 2016. 928 p.
18. *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 10 t. T. 5 (1883–1892)* [Collected works of Vladimir Sergeevich Solovyov in 10 vol., vol. 5 (1883–1892)]. Saint-Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1911. 488 p.
19. Solov'ev, V.S. *Russkaya ideya* [The Russian idea]. Moscow: Put', 1911. 51 p.
20. Solov'ev, V.S. *Opravdanie dobra* [Justification of the Good]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm, 2012. 566 p.
21. Solov'ev, V.S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1991. 701 p.

(Monographs)

22. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solov'ev and his time]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2009. 617 p.
23. Solov'ev, S.M. *Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya Vladimira Solov'eva* [Life and creative evolution of Vladimir Solov'ev]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2019. 599 p.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

24. Badalyan, D.A. «Prototipy» idey Pushkinskoy rechi F.M. Dostoevskogo v proizvedeniyakh A.S. Khomyakova, I.V. Kireevskogo i I.S. Aksakova [“Prototypes” of the ideas of Pushkin's speech by F.M. Dostoevsky in the works of A.S. Khomyakova, I.V. Kireevsky and I.S. Aksakov], in *Rossiya i mir: vchera, segodnya, zavtra. Nauchnye trudy MGI im. E.R. Dashkovoy* [Russia and World: yesterday, today, tomorrow. Scientific works of MSI named after E.R. Dashkova]. Moscow: MGI im. E.R. Dashkovoy, 2003, pp. 363–371.
25. Badalyan, D.A. Predstavleniya slavyanofilov o Petre I i ego reformakh i ikh interpretatsiya protivnikami slavyanofil'stva [The ideas of the Slavophiles about Peter I and his reforms and their interpretation by the opponents of Slavophilism], in *Tetradi po konservatizmu*, 2022, no. 3, p. 142.
26. Fetisenko, O.L. Kokhanovskaya (N.S. Sokhanskaya) i ee sud'ba v russkoy literature (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya) [Kokhanovskaya (N.S. Sokhanskaya) and her fate in Russian literature (to the 200th anniversary of her birth)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2023, issue 1(77), pp. 109–121.
27. Koshelev, V.A. Pushkin i Khomyakov [Pushkin and Homiyakov], in *Vremennik Pushkinskoy komissii*. Leningrad: Nauka, 1987, issue 21, pp. 24–42.
28. Motin, S.V. «...Veroyatno, u menya naydetsya dlya Vas chto-nibud' menee spornoe, chem Velikiy spor» (k istorii vzaimootnosheniy I.S. Aksakova i V.S. Solov'eva) [“...Probably, I have something less controversial for you than the Great Debate” (on the history of the relationship between I.S. Aksakov and V.S. Solov'ov)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2014, issue 2(42), pp. 6–33.